

Модзалевский Борис Львович

Пушкин под тайным надзором

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Львович М.**
Пушкин под тайным надзором / Модзалевский Борис Львович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 108 с.

ISBN 978-5-519-97128-7

ISBN 978-5-519-97128-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«Ты ни в чем не замешан, — это правда», писал Пушкину Жуковский в апреле 1826 г., в ответ на его тревожные запросы друзьям о том, чего ему следует ожидать от нового царя, поглощенного в то время следствием над декабристами, — «но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои: это худой способ подружиться с правительством...». И действительно, просмотр показаний декабристов, сделанный П. Е. Щеголевым, показал, что имя Пушкина фигурировало, в совершенно определенном освещении либерального писателя, в ответах многих и многих членов Тайного общества, данных ими Следственной Комиссии на вопрос о том: «с какого времени и откуда заимствовали они свободный образ мыслей, то-есть от общества-ли, или от внушений других, или от чтения книг, или сочинений в рукописях и каких именно», и кто вообще «способствовал укоренению в них сих мыслей»¹.

Таким образом, у членов Следственной над декабристами Комиссии уже под влиянием одних этих ответов должно было сложиться определенное впечатление о Пушкине, как об опасном и вредном для общества вольнодумце, рассевавшем яд свобододо-

¹ П. Е. Щеголев, Пушкин, С.-Пб. 1912, стр. 230.

мыслия в обольстительной поэтической форме. С такою же определенной репутацией человека политически неблагонадежного и зловредного должен был войти поэт и в сознание одного из деятельнейших членов упомянутой Комиссии — известного генерал-адъютанта Бенкендорфа; такое же представление сложилось о нем и у самого императора Николая I, — как известно, ближайшим и внимательнейшим образом наблюдавшего за ходом следствия и за показаниями лиц, привлеченных к делу, и входившего во все подробности дела. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда, вскоре за тем, 25-го июня и 3-го июля 1826 г., были учреждены корпус жандармов и III Отделение Собственной его величества Канцелярии, заменившее Особенную (полицейскую) Канцелярию Министерства Внутренних Дел, то Пушкин естественным образом и как бы по наследству сразу вошел в круг клиентов новых учреждений «высшей полиции». Внесенный, конечно, и ранее в списки лиц, бывших под надзором Особенной Канцелярии и ее агентов, как человек, заслуживавший особого внимания, Пушкин сразу сделался предметом особенных попечений и Бенкендорфа, как главного начальника III Отделения, и его правой руки и фактума — Управляющего этим Отделением Максима Яковлевича фон-Фока, перед тем заведывавшего упомянутою выше Особенною Канцеляриею Министерства Внутренних Дел. Они оба, а второй — в особенности, зорко следили за каждым шагом поэта даже тогда, когда он был еще в изгнании, а после его освобождения из ссылки усугубили надзор и непрерывно плели ту, по выражению П. Е. Щеголева, «бесконечную серую пелену», которая, опутав Пуш-

кина в 1826 г., «развертывалась во все течение его жизни и не рассеялась даже с его смертью...»¹.

Под «недреманное око» полицейского надзора Пушкин попал, по всей вероятности, тотчас же по выпуске из Лицея, вернее, — по приезде своем, осенью 1817 года, в Петербург из Михайловского, где он отдыхал от выпускных экзаменов; по крайней мере уже в конце 1817 г. (а именно 12-го ноября) А. И. Тургенев в одном письме своем к Жуковскому (еще не изданном) с горечью сообщал, что он замечает в Пушкине-Сверчке «вкус к площадному волокитству и вольнодумство, также площадное, XVIII столетия»... Либерализм Пушкина не был лишь пассивным, — он проявлялся и во-вне, сперва в разговорах, а затем и в писаниях; его вольнолюбивые пьесы, его шумный разгул, его ранняя популярность не могли не обратить на него нарочитого внимания блюстителей общественной тишины и спокойствия и опекунов государственной безопасности. Последние были сосредоточены тогда в Министерстве Полиции, возглавлявшемся известным А. Д. Балашовым, — в частности — в Особенной Канцелярии этого Министерства, а Директором ее уже в 1817 году был вышеупомянутый М. Я. фон-Фок². Нет никакого сомнения, что в делопроизводстве этой Канцелярии, — не сохранившемся до нашего времени или хранящемся еще под спудом в Архиве 6. Министерства Внутренних Дел, — были следы надзора за Пушкиным и другими представителями гульливой молодежи той эпохи, и надзор этот направлялся и осуществлялся фон-Фоком

¹ Назв. соч., стр. 227.

² Меслцеслов на 1818 г., ч. I, стр. 797.

и его агентами, для которых и сама личность юного поэта, и его пылкие стихотворения и эпиграммы были слишком заманчивым предметом для наблюдения... Поведение его рано обратило на себя внимание Фока, — и с этого времени он начал выковыривать ту цепь, которая постепенно связывала Пушкина все более и более и не отпускала его «на волю» уже до самой смерти.

Литература о Пушкине обладает уже большим количеством документальных данных, свидетельствующих о десятилетних «муках великого поэта», вызывавшихся сначала отдельными столкновениями его с тайной полицией, а затем — его почти непрерывными сношениями с Бенкендорфом, фон-Фоком и преемником последнего — А. Н. Мордвиновым. Сообщаемый ниже материал, извлеченный нами из дел секретного архива бывшего III Отделения, дорисовывает эту картину, и вносит в нее некоторые детали.

Участие тайной полиции (в частности агента Фогеля) в деле о высылке Пушкина на юг в мае 1820 г. уже давно известно из рассказа поэта-декабриста Ф. Н. Глинки, но так сказать официально и открыто Пушкин вступил в непосредственные отношения к полиции в лице III Отделения и стал «поднадзорным» 30-го сентября 1826 г., когда он, будучи в Москве, получил первое деловое письмо от Бенкендорфа¹; но связь его с «высшей полицией» началась, как мы сказали, значи-

¹ Отношения Пушкина к III Отделению рассмотрены и определены в статьях: М. М. Попова — в «Русск. Стар.» 1874 г., т. X, стр. 683—714; М. К. Лемке — «Муки великого поэта» — в книге его «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г.», С.-Пб. 1908, стр. 465 — 526; П. Е. Ще-

тельно раньше. Мы видели уже, как близко к последней поставила Пушкина деятельность Следственной Комиссии по делу декабристов. «Дополнение», говорит П. Е. Щеголев, «к данным, полученным официально из показаний привлеченных к делу, и укрепление создавшегося о Пушкине представления приносили доносы. Всегда была обильна доносами Русская земля, а в то время доноительство достигло степеней чрезвычайных. Во все концы России были разсланы офицеры, преимущественно флигель-адъютанты, для собирания под рукой доносов и сведений, не укрывается ли еще где-нибудь гидра революции и остатки вольного духа. Все эти посланцы представляли рапорты и донесения о положении дел в губерниях, университетах и т. д. К сожалению, обо всем этом мы очень мало знаем; обрывки донесений встречаются в деле Следственной Комиссии, но все собрание их нам еще недоступно. Был послан такой соглядатай и в Прибалтийский край, в область управления Эстляндского генерал-губернатора Паулуччи. Проезжая через Псков, этот агент собрал сведения о Пушкине. Но донесение его нам неизвестно. Анненков слышал о посылке «особенного агента в начале 1826 года, с поручением объехать несколько западных губерний для узнавания местных злоупотреблений и, при проезде через Псков, собрать точные и положительные сведения о самом поэте, что, по связям последнего со многими декабристами, было тогда мерой, входившей в общий порядок начатого следствия над за-

голева — «Император Николай I и Пушкин в 1826 г.» — в книге его «Пушкин», С.-Пб. 1912, стр. 226—265; Н. О. Лернера: «После ссылки в Москве» — в Сочинениях Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 335 и др.

говорщиками»¹. Анненков без всяких оснований полагает, что содержание его было благоприятно для Пушкина². Мы же думаем, что донесение вероятнее всего не расходилось с теми данными, которые были получены Следственной Комиссией»³.

Так сказать гласные полицейские материалы о Пушкине в настоящее время представляется возможным дополнить целую серию материалов агентурного, секретного характера, сохранившихся в особом секретном отделе Архива бывшего III Отделения⁴, в который вошли и документы предшествовавшего учреждению Отделения времени, начиная с февраля 1826 г., т. е. от той поры, когда Бенкендорф и фон-Фок еще не носили соответствующих официальных званий, но заняты были частным поручением молодого императора—организацией секретного надзора, в виду предстоявшей коронации Николая I и отчасти в связи с шедшим тогда следствием по делу декабристов.

Ознакомление с этим секретным архивом дает возможность довольно отчетливо установить схему наблюдательной деятельности III Отделения⁵. Она шла по двум путям, иногда параллельным, иногда сходявшимся между собою: Бенкендорф, как шеф

¹ П. Анненков, Пушкин в Александровскую эпоху, С.-Пб. 1874, стр. 320.

² Теперь это донесение Александра Карловича Бошняка (доносчика на декабристов), в общем благоприятное для Пушкина, найдено в секретном отделе того же Архива III Отделения А. А. Шиловым; см. его ниже. Б. М.

³ П. Е. Щеголев, Пушкин, С.-Пб. 1912, стр. 233—239.

⁴ Ныне в Историко-Революционном Архиве.

⁵ Об учреждении III Отделения и о предшествовавших ему полицейских учреждениях, а также о Бенкендорфе и Фоке см. в назв. соч. М. К. Лемке, стр. 7 и след.

жандармов и командующий Императорскою Главною Квартирою, имел в своем ведении и распоряжении жандармских офицеров, раскинутых целою сетью по всей России и имевших, равным образом, своих собственных агентов; через начальников жандармских округов агентурные сведения из городов, губерний и уездов стекались к Бенкендорфу, а от него шли к Фоку, управляющему собственно III Отделением. Фок, кроме управления делопроизводством Канцелярии, в свою очередь, вел широкую агентурную разведку, пользуясь для этого довольно обширным, повидимому, штатом агентов и шпионов, живших в Петербурге, но иногда ездивших и в командировки. Из помощников Бенкендорфа назовем жандармов: генерала Петра Ивановича Балабина (начальника I Округа) в Петербурге, генерала Александра Александровича Волкова и полковника Ивана Петровича Бибикова в Москве¹, полк. Жемчужникова—в Ярославле, полк. Дейера—в Вологде и др. У Фока же состояли тайными агентами: довольно известный и плодовитый писатель-драматург Степан Иванович Висковатов (брат академика-математика)², князь Александр Федорович Голицын (камер-юнкер, служивший при Канцелярии Наследника Александра Николаевича), Екатерина Алексеевна Хотяинцова, бывшая Цизорова или Цызырева, рожд. Бернштейн (жена придворного актера Дмитрия Николаевича Хотяинцова³, крещеная еврейка,

¹ У него, в свою очередь, был агент-секретарь Петр Попов, числившийся при Моск. Архиве Министерства Иностр. Дел. И. П. Бибилов впоследствии покровительствовал поэту Полежаеву.

² Ср. «Русск. Стар.» 1881 г., т. XXXII, стр. 172 и 314.

³ См. «Русск. Стар.» 1898 г., кн. 5, стр. 454.

слывшая у Фока под кличкою «Juive»); писательница Екатерина Наумовна Пучкова¹, осмеянная в эпиграмме Пушкина, и ее сестра Наталья; Александр Саввич Лефебр, делавший свои сообщения Фоку по-французски; И. Локателли, также доносивший на французском языке; некий Гофман; еврей (?) Оскар Венцеславович Кобервейн, некий Гуммель (писавший по-немецки), Карл Матвеевич Фрейганг, Илья Ангилеевич Попов; неизвестная, «работавшая» среди солдат и носившая прозвище «Sibylle» (вероятно, гадалка), и многие, судя по почеркам донесений, другие, имена которых пока не представляется возможным разгадать, — люди образованные и совсем малограмотные, соответственно тем кругам, в которых они действовали.

Донесения этих агентов (всегда, повидимому, письменные) стекались прямо к Фоку, а он из некоторых делал выборки, извлечения или сводку сообщений и представлял, в тщательно переписанном собственноручно виде, Бенкендорфу то, что, по его мнению, заслуживало внимания главы «высшей полиции»; через Бенкендорфа же секретные записки Фока восходили нередко и к самому Николаю I. К агентурной деятельности был близок также и барон И. И. Дибич (Начальник Главного Штаба), зачастую сообщавший Бенкендорфу и от него получавший различные сведения, а также П. В. Голенищев-Кутузов — Петербургский военный генерал-губернатор. Однако, душою, главным деятелем и важнейшею пружиною всего сложного полицейского аппарата был неутомимый фон-Фок, сосредоточивавший в своих опытных руках все нити жан-

¹ Ср. там-же, 1881 г., т. XXXII, стр. 312.

дармского сыска и тайной агентуры. Его действительность была поразительно обширна,—он отдавался ей повидимому, с любовью, даже со страстью, в буквальном смысле слова «не покладая рук». Количество сохранившихся в Архиве III Отделения его писем, докладных и иных записок, справок, заметок, бюллетеней самого разнообразного характера, по самым различным поводам и вопросам — прямо изумительно¹. Человек умный, хорошо образованный и воспитанный (бывший военный), он обладал знанием русского, французского, немецкого (ему родного) и польского языков и владел ими совершенно свободно. Своим большим образованием и кипучею деятельностью он как бы дополнял Бенкендорфа,—человечка менее образованного и вялого, даже ленивого; их отношения друг к другу были самые дружественные, хотя Фок в своих письменных сношениях с «шефом» никогда не терял тона почтительности и уважения.

Просмотр этого-то обширного агентурного материала Фоковского секретного архива за время 1826—1831 гг. (т. е. до смерти Фока, скончавшегося 27-го августа 1831 г.) и дал возможность среди самых разнородных сведений о всевозможных событиях и о великом множестве лиц самого различного общественного или служебного положения разыскать немало новых сведений и о Пушкине,

¹ Хорошее понятие о письмах Фока можно составить по письмам его к Бенкендорфу за июль — сентябрь 1826 г., опубликованным М. И. Семевским (в переводе на русский язык) в «Русск. Стар.» 1881 г., т. XXXII, стр. 163—194, 303—336 и 519—560, в статье: «Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая».

бывшем, как мы сказали, предметом особого внимания Бенкендорфа и Фока и их сотрудников.

Выборка из этого материала всего того, что, так или иначе, в той или другой степени, связано с именем Пушкина и с его биографией, расположенная в хронологическом порядке, дает возможность проследить почти пять лет жизни Пушкина в ее различных, крупных и мелких событиях, отразившихся в работе III Отделения. Мы слышим здесь давно умолкнувший голос отца поэта, жалующегося своему брату и зятю в напыщенных, столь ему свойственных тонах, на сына в один из самых тяжелых периодов их взаимных отношений; узнаем некоторые новые подробности жизни поэта, выясняем отношение к нему окружающей среды и отдельных лиц, наконец, — читаем его собственные слова в письме его к Бенкендорфу от 7-го мая 1830 г. Знакомство со всеми этими материалами подтверждает давно высказанные известным чиновником III Отделения, а некогда учителем Белинского — Михаилом Максимовичем Поповым слова, что уже с самого начала сношений своих с Пушкиным «высшая полиция» обратила особенное на него внимание, и что «с того времени Бенкендорф и его помощник фон-Фок ошибочно стали смотреть на молодого поэта не как на ветреного мальчика, а как на опасного вольнодумца, постоянно следили за ним и приходили в тревожное положение от каждого его действия, выходявшего из общей колеи... Бенкендорф и его помощник фон-Фок, не восхищавшиеся ничем в литературе и не считавшие поэзию делом важным, передавали царскую волю Пушкину всегда пополам со строгостью, хотя в самых вежливых выражениях. Они как бы беспре-